

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТИБЕТ

«И тогда ночи стали бессонными» на Чеховском театральном фестивале

Независимая газета,
- 1998. - 16 июля. - с. 7

Диалог двух культур в спектакле Арианы Мнушкиной.

Григорий Заславский

МНУШКИНА в очередной раз разочаровала меня в театроведении: наверное, можно было прочесть о ней еще больше, узнать еще с десяток подробностей, но и того, что я знал,

казалось, было достаточно, чтобы принять ее искусство таким, как оно есть. А оно меня потрясло, оказалось неожиданным.

По продолжительности и качеству аплодисментов спектакль Театра дю Солей можно отнести к числу триумфов Чеховского фестиваля. Поскольку французские гастролеры оказались в фести-

вальной афише последними, метим очевидное: финал удался.

Дезориентировали и газетные анонсы. По ним выходило, что нам предстоит смотреть какой-то политический театр — то ли спектакль, то ли митинг на тему борьбы китайского Тибета за свою независимость.

Обмана тут нет. Эта тема наличествует — разговор о Тибете начинается в самом начале спектакля и не прекращается уже до конца. Но... ведь и «Вишневый сад» можно пересказать в двух словах как социально-публицистическую драму и т.д.

Спектакль Арианы Мнушкиной временами откровенно пародирует политический диспут, когда мнимые зрители — актеры Театра дю Солей — расспрашивают далай-ламу и его спутников о положении тибетцев в Китае и предлагают свои варианты выхода из тупиковой ситуации (делегация Тибета хочет любыми способами, даже путем самосожжения, противостоять отправке в Китай французских военных самолетов; волей судьбы делегация более чем из трехсот человек, среди которых немало детей, поселяется в некоем парижском театре, где в это самое время гастролировала труппа тибетских актеров). Но спутать нельзя — это спектакль, а не диспут. Хотя (снова приходится оговориться) публицистики в нем и немало, рассказ далай-ламы о пытках, которые применяют китайские каратели к тибетским монахам, заставлял содрогнуться и

напоминал документальные кадры из «Обыкновенного фашизма» Ромма.

Это спектакль, потому что главное для Мнушкиной — театр. Именно поэтому все происходит в театре. Когда французские политики отказываются принять делегацию, им приходится прибегнуть к театру, где на помощь готовы прийти не только режиссер, актеры, все служащие театра, но и публика. Драматическая история развивается по законам театральной иллюзии — все, как в сказке, со смешными, легко перебарываемыми страхами, на ходу решаемыми мировыми проблемами, движется к счастливому финалу. Когда же он уже кажется рядом, уже наступил и все — живые и невредимые — берутся за руки, потому что правда взяла свое, издалека раздается гул самолетов, который тут же заглушает все людские голоса, все крики.

Когда сцена пустеет, чей-то голос пересказывает дальнейшие события: самолеты отправились, театр был взят штурмом и делегация выслана из страны, а спустя два дня в горном Китае два человека сожгли себя на площади.

Конечно, можно не воспринимать все это всерьез, ведь ничего подобного не было на самом деле, французский театр не принимал у себя тибетских актеров, далай-лама не просил аудиенции у французского премьер-министра, а потом в течение долгих бессонных ночей ему вместе со всей

тибетской делегацией не приходилось пользоваться гостеприимством парижского театра... И тогда можно не мучиться после спектакля долгими размышлениями о том, что внутри всякого национально-освободительного движения уже заложены микробы будущего деления и будущих тоталитарных режимов и никакое мирное разрешение национально-территориальных проблем, увы, не приводило до сих пор к миру — ни там, ни у нас под боком...

Об этом, конечно, думать не очень хочется. И не очень интересно. Тем более не хочется об этом думать, сидя на спектакле в театре. Но Мнушкина занимается политическим театром уже более тридцати лет. Она научилась увлечь за собой не только актеров, но и публику. Она умеет очаровывать, на мгновение отвлекая вдруг красотой тибетского танца, тибетскими масками, наивной игрой детей (на самом деле в труппе нет настоящих тибетцев и даже дети — камбоджийского происхождения), и говорит, что это дети театрального повара), чтобы в следующую минуту окатить расслабившихся было зрителей очередной порцией политики. От нее было не деться, даже когда она ставила «Тартюфа». Внешне чем-то похожая на нашего волюнтеристического Володина, она из тех, кто не может молчать, и, даже когда это станет вопросом жизни и смерти, она будет молиться за тех и за других.